

И. В. Грибан
**«РАСКОЛОТАЯ ПАМЯТЬ»: СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
1939–1941 гг. В ИСТОРИОГРАФИИ УКРАИНЫ**

УДК 930 (477)

ББК 63.1 (2 Укр)

После распада СССР одной из самых дискуссионных тем для историков Украины стала проблема происхождения Второй мировой войны, в рамках которой особое значение приобрело обсуждение советско-германских отношений 1939–1941 гг. С одной стороны, для создания новой национальной версии истории необходимо было разрушить старые советские мифы, с другой стороны, история войны была и остаётся одним из важнейших элементов исторической памяти украинского народа. Цивилизационный и культурный раскол украинского общества проявился в том, что в интерпретации событий 1939–1941 гг. историки не пришли к единому мнению: в современной Украине сосуществуют две историографические традиции.

Ключевые слова: *советско-германские отношения, Вторая мировая война, национальная историография, историческая память, культура памяти*

В конце XX — начале XXI в. для Украины, как и для других государств, возникших на постсоветском пространстве, стал особо значимым вопрос о том, кто работает над памятью о событиях прошлого, кто и каким образом хотел бы на них повлиять, как и зачем воспоминания актуализируются, политизируются, трансформируются или вытесняются из исторической памяти наций. События 2013–2014 гг., продемонстрировавшие наличие глубокого цивилизационного раскола в современном украинском обществе, делают актуальным обращение к проблеме формирования, сохранения и трансляции исторической памяти.

После распада СССР историки Украины оказались в сложной ситуации: кризис личной и коллективной идентичности, поиски новых ценностных ориентиров и «национальной идеи». Казалось бы, свобода в выборе объекта и методов исследования, появление новых документов должны были стимулировать деятельность историков. Однако вначале 1990-х гг. этого не произошло. Как отмечает современный украинский исследователь А. Е. Лисенко, «инерция советского образа мышления оказалась настолько ощутимой, что „развод“ с историей этой эпохи слишком

затянулся».¹ Ситуация осложнялась и тем, что традиционные связи с коллегами из постсоветских государств были разорваны.

К середине 1990-х гг. в историографии Украины отчетливо наметились две тенденции. Первая из них была связана с обращением к гуманитарной сфере войны, человеческому фактору и оформлением таких направлений исследований, как социальная и устная история, военная антропология, история религии и духовной жизни. Вторая тенденция была обусловлена стремлением придать истории «национальное звучание». В определенной степени обе тенденции определялись реакцией на широкие возможности доступа к ранее засекреченным источникам, отсутствием цензуры и идеологических ограничений. Национализация истории стала для многих историков путем выхода из кризиса исторической науки и выразилась в первые годы существования независимой Украины в критике большевистского режима и советской концепции истории. Одной из самых дискуссионных тем в этот период стала проблема происхождения Второй мировой войны, в рамках которой особое значение приобрело обсуждение советско-германских отношений 1939–1941 гг. Комплекс вопросов, связанных с событиями 1939–1941 гг. и началом Великой Отечественной войны, был болезненным

Грибан Ирина Владимировна — к.и.н., директор музея истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: gribanirina@gmail.com

¹ Лисенко О. Є. Дослідження історії Другої світової війни у сучасній Україні: основні тенденції та перспективи // Український історичний журнал (далее — УІЖ). 2011. № 4. С. 166.

и крайне противоречивым для украинских историков: с одной стороны, для создания новой национальной версии истории необходимо было разрушить старые советские мифы о войне, с другой стороны, история войны была одним из важнейших элементов советской (и украинской) национальной идентичности и исторической памяти.

На процесс становления «новой украинской историографической традиции» большое влияние оказали работы представителей так называемой «диаспорной историографии» (зарубежных историков украинского происхождения). В начале 1990-х гг. были опубликованы работы эмигрантов В. Косика, Я. Стецько, Л. Шанковського, Л. Винара, имевшие ярко выраженный антисоветский характер. Труды этих авторов (многие из которых в 1930–1940-е гг. входили в состав ОУН) были односторонними и не отличались объективностью. Вместе с тем, И. К. Патриляк и М. А. Боровик отмечают особый вклад В. Косика² в формирование украиноцентричной версии истории, а также подчеркивают его заслуги по введению в научный оборот документов из немецких архивов.³ В 1993 г. была опубликована работа Т. Гунчака,⁴ подробно рассмотревшего международный кризис 1939 г., в котором, по мнению автора, Украина стала «заложницей политики двух тоталитарных государств».⁵

Среди украинских ученых, которые первыми обратились к истории советско-германских отношений на рубеже 1980–1990-х гг. и во многом определили основные тенденции в исследовании этой темы, стоит отметить таких авторов, как А. Ф. Трубайчук, В. С. Коваль, М. В. Коваль, П. П. Брицкий. В работах этих исследователей можно выделить несколько характерных черт. Во-первых, особое внима-

ние при анализе событий 1939–1941 гг. ученые уделяли «украинской карте», которая, по их мнению, сыграла далеко не последнюю роль во внешнеполитическом курсе Сталина. Во-вторых, советско-германские отношения 1939–1941 гг. рассматривались через призму вопроса о последствиях воссоединения украинских земель.

Критика официальной советской версии событий 1939–1941 гг. началась с развенчания традиционного тезиса о том, что подписание советско-германского договора о ненападении было мудрым, дальновидным и единственно верным шагом советского правительства. Так, в трудах В. С. Ковалья была представлена резко контрастирующая с советской версия событий 1939–1941 гг. Критикуя двусмысленную позицию Великобритании, Мюнхенское соглашение, отказ польского правительства от помощи со стороны Советского Союза в противодействии немецкой агрессии и экспансионистский курс нацистской верхушки Третьего Рейха, ученый раскритиковал геополитическую линию советского руководства, указал на его просчеты в оценке предвоенной международной ситуации, а также пороки созданной большевиками политической и социально-экономической системы.⁶ По мнению В. Ковалья, пакт о ненападении «соответствовал давним агрессивным замыслам Гитлера и ни на миг их не задерживал. Вопреки вымыслу Сталина, никакого выигрыша пакт Советскому Союзу не дал».⁷

Еще более резкие оценки советско-германских отношений 1939–1941 гг. содержались в работах А. Трубайчука.⁸ Причины срыва англо-франко-советских переговоров автор охарактеризовал образно: «Прагматик Сталин всегда отдавал предпочтение синице в руке перед журавлем в небе, впрочем, не выпуская из поля зрения и журавля. Но трехсторонние переговоры в Москве не сулили ему ни журавля, ни синицы. В результате принятых обязательств он ничего не получал (кроме мира), а Гитлер предложил ему и синицу — страны Балтии, и журавля — почти две трети территории Польши, да в придачу еще и Бессарабию как сферу преимущественного влияния СССР.

² В. Косик (1924 г. р.) — украинский историк, специалист по истории французско-украинских отношений, истории Украины во время Второй мировой войны. Псевдоним — Борис Марченко. Во время Второй мировой войны был участником подполья ОУН. В конце войны был вывезен на принудительные работы в Восточной Германии. С 1948 г. живет во Франции, с 2000 г. — профессор Львовского национального университета им. Ивана Франко.

³ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993.

⁴ Т. Г. Гунчак (1932 г. р.) — историк, политолог. Во время Второй мировой войны был курьером ОУН. С 1949 г. живет в США. Сфера научных интересов — политическая история России, Украины, Польши XIX–XX вв.

⁵ Цит. по: Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. К., 2010. С. 13.

⁶ Коваль В. С. Радянсько-німецький пакт 1939 р. К., 1989; Его же. Довкола радянсько-німецької війни. К., 1991.

⁷ Коваль В. Змова проти Європи // Вітчизна. 1988. № 10. С. 144.

⁸ Трубайчук А. Українське питання в європейських міжнародних відносинах (1918–1945 рр.) // Київська старовина. 1996. №2/3. С. 104–118; Он же. Брудершафт двох диктаторів. К., 1993.

Это было главным. Лишь затем появилась оправдательная формулировка о том, что пакт дал „выигрыш во времени“, оттянул для СССР начало неумолимо надвигавшейся войны».⁹ Движущим фактором внешней политики СССР в 1939–1941 гг. Трубайчук считал «зацикленность Сталина на украинском вопросе», которая во многом повлияла на выбор в пользу соглашения с Германией.¹⁰ По его мнению, выбор Сталина определил «катастрофический по своим последствиям союз с нацистской Германией и изолировал СССР от остального оппозиционного Германии мира».¹¹ По мнению Трубайчука, инициатором секретной части советско-германского соглашения являлась советская сторона.

М. Коваль среди причин, побудивших Сталина пойти на сближение с фашистской Германией, также выделял такой фактор, как обеспокоенность советского руководства возможностью создания на западной границе СССР украинского государства под протекторатом Германии. Эта опасность толкнула Сталина в «смертельные объятия» советско-германского военно-политического альянса.¹²

В отличие от большинства российских историков, которые вслед за решением Съезда народных депутатов отмечали правильность заключения пакта от 23 августа 1939 г., но осуждали факт подписания секретного протокола к нему и последующего «Договора о дружбе и границе», А. Трубайчук и В. Коваль подчеркивали, что эти документы являлись звеньями одной цепи, поэтому рассматривать их отдельно не представляется возможным: «Пакт о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г., а также последующие шаги — договор о дружбе и границе, подписанный 28 сентября Молотовым и Риббентропом, совместный „парад победителей“ в Бресте, секретные протоколы — все это цепь политических просчетов Сталина и его окружения».¹³ Оценка советско-германского договора о ненападении была негативной: «пакт был преступен изначально, поскольку подписывали его преступники».¹⁴

Появление в начале 1990-х гг. работ, в которых полностью опровергалась советская

версия событий и подвергалась критике внешняя политика СССР в 1939–1941 гг., объясняется тем, что, теряя советскую идентичность, украинская историческая наука сразу не приобрела всех атрибутов национальной идентичности. А. Е. Лисенко отмечает, что «...после долгих лет изоляционизма украинским историкам предстояло изучить достижения зарубежной науки. Некоторые перешли к безоговорочной критике советского строя, геополитической стратегии Сталина, советских вооруженных сил и т. д. Многие, изучив труды западных ученых, начали использовать их положения, что поставило их труды в иную теоретическую плоскость. И лишь немногие, такие как М. Коваль, смогли выработать собственную точку зрения. Не во всем последовательная, во многом спорная, его концепция продемонстрировала наличие творческого потенциала у украинских историков».¹⁵

Разрыв связей с российскими учеными повлиял на то, что развернувшаяся в России в середине 1990-х гг. дискуссия вокруг версии В. Суворова о превентивной войне Гитлера против СССР практически не нашла отражения в украинской историографии. На события, происходившие в исторической науке России, откликнулись В. Коваль и М. Коваль.¹⁶

Во второй половине 1990-х гг. — первом десятилетии XX в. различные аспекты советско-германских отношений кануна Второй мировой войны нашли отражение в работах О. Бойко, М. Вегеша, С. Виднянского, М. Гетьманчука, И. Дробота, О. Дубины, В. Кучера, В. Ковалюка, С. Кульчицкого, И. Кулинич, А. Руккаса и др.¹⁷ В этот период акценты

⁹ Лисенко О. Є. Історіописання Другої світової війни як самостійна субдисципліна // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси. Кн. 1. К., 2011. С. 16.

¹⁰ Коваль М. В. «Превентивна війна» чи віроломна агресія? // УЖ. 1992. № 3. С. 124–128; Он же. 22 червня 1941 року: превентивна війна чи віроломна агресія? // Дзеркало тижня. 2001. № 24; Коваль В. С. Невідомий варіант плану «Барбаросса» // УДЖ. 1996. № 3. С. 41–53.

¹¹ Бойко О. Д. Історія України. К., 1999. С. 380–394; Вегеш М. М., Виднянський С. В. Країни Центрально-Східної Європи та українське питання (1918–1939). К.; Ужгород, 1998; «Українське питання» в радянсько-польських відносинах 1920–1939 рр. Львів, 1998; Дробот І. І. «Українське питання» в контексті передвоєнної міжнародної політики // Сторінки воєнної історії України. К., 1999; Дубина О. К. Геополітичні долі України. К., 1992; Кучер В. І., Чернега П. М. Україна у Другій світовій війні (1939–1945). К., 2004; Ковалюк В. Р. Західна Україна на початку Другої світової війни // УДЖ. 1991. № 9. С. 30–41; Кулинич І. М. Україна в міжнародній політиці у 30–40-х роках XX ст. // Сторінки воєнної історії України. К., 2000. Вип. 4. С. 127–132; Руккас А. Бойові дії радянських військ у вересні 1939 р. // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Т. 1. К., 2010. С. 165–195; и др.

⁹ Трубайчук А. Друга світова війна. К., 1995. С. 82, 83.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Трубайчук А. 1939 год. К истории советско-германского договора. К., 1994. С. 20.

¹² Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999. С. 14.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ Там же. С. 67.

в работах украинских историков сместились с вопросов о причинах сближения СССР и Германии в 1939–1941 гг. и о правовой оценке пакта о ненападении на проблему значения и последствий советско-германских договоренностей для судьбы Украины. Большинство ученых сходились во мнении, что накануне Второй мировой войны ни одна мировая держава не признавала права украинцев на создание независимого украинского государства в национальных границах. События 1939–1941 гг., несмотря на их трагичность и отклонение от норм международного права, упростили борьбу украинского народа за независимость.¹⁸

Анализ современных украинских историографических источников дает основание сделать вывод, что в них доминирует оценка советско-немецкого договора о ненападении как акта по разделу сфер интересов между СССР и Германией, определившего новые границы в Центральной и Восточной Европе. Основной целью этого документа для Советского Союза были «несовместимые с нормами международного права и морали великоимперские амбиции СССР, направленные на расширение границ и возвращение к территориальным рамкам 1913 г.».¹⁹ Согласно оценке М. Коваля, к моменту подписания пакта интересы безопасности СССР если и имели место, то лишь в последнюю очередь.²⁰

Ключевым для современных украинских историков является вопрос о легитимности интеграционных процессов осени 1939 г., их признании международным сообществом и их связи с пактом Молотова–Риббентропа. Авторы указывают на нецелесообразность игнорирования многовековых объединительных тенденций в украинских землях и рассмотрения их только через призму сталинской дипломатии и имперских амбиций Кремля.

М. Гетьманчук и М. Литвин характеризуют пакт Молотова–Риббентропа как преступный сговор Сталина с Гитлером по разделу Европы.²¹ Авторы отмечают, что реализация усло-

вий договора поставила СССР в положение временного союзника, фактически развязало руки главному поджигателю войны — Гитлеру, что ставит под сомнение традиционный тезис советских историков о нейтралитете СССР до 22 июня 1941 г.

Большое внимание украинскими историками уделяется проблеме «освободительного похода Красной Армии» (И. Билас, М. Гетьманчук), а также вопросу о боевом и моральном настрое солдат Красной Армии — участников этого похода (М. Литвин, О. Луцький, К. Науменко, А. Руккас). Признаётся, что ликвидация Польши стала результатом совместной агрессии Германии и СССР. Сталин стал «интендантом Гитлера». Ряд историков квалифицируют ввод советских войск в Польшу как вступление СССР в войну на стороне Германии. Большинство авторов считают, что СССР вступил в войну как самостоятельная сила, преследуя свои интересы и преобразуя традиционную имперскую политику России в революционную политику СССР.

Важнейшим средством формирования исторического сознания являются школьные учебники истории, поэтому не удивительно, что основные положения новой украинской историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. нашли отражение на страницах учебных пособий по истории. Так, в пособии Ф. Г. Турченко для 11 класса дается следующая оценка пакта Молотова–Риббентропа: «Тайный сговор Германии и Советского Союза выявил имперскую сущность обоих государств, цинично игнорировал принципы международных отношений... Советско-германский договор развязал Гитлеру руки для агрессии в Европе».²² Анализируются и противоречивые последствия событий 1939–1941 гг.: «С одной стороны, СССР изолировал Украину от Европы... Вместе с тем, было и позитивное влияние, которого не ожидала советская власть: в условиях объединенной Украины была создана среда для расширения контактов между разными районами Украины, что способствовало нарастанию объединительных тенденций и интенсифицировало процесс формирования украинской нации».²³

Значимым событием в развитии историографии советско-германских отношений и Второй мировой войны стал выход в свет по-

¹⁸ См., например: Кульчицкий С. Возз'єднання Західної України з СРСР: проблема легітимності // Київська старовина. 1999. № 6. С. 80–90.

¹⁹ Марущенко О. Основні тенденції сучасної вітчизняної історіографії Другої світової війни // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Т. 1. С. 83–142.

²⁰ Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999. С. 16.

²¹ Гетьманчук М. П. Указ. соч.; Литвин В. М. Україна в Другій світовій війні (1939–1945). К., 2004.

²² Турченко Ф. Г. Історія України: 11 кл.: підруч. для загальноосвіт. навч. закл.: профіл. рівень. К., 2011. С. 12.

²³ Там же. С. 17.

собия для учителей известных украинских авторов В. И. Кучера и П. М. Чернеги «Украина во Второй мировой войне (1939–1945)».²⁴ В пяти разделах книги авторы не только рассмотрели основные вопросы предвоенного и военного времени, но и сопроводили каждый раздел документальными источниками и заданиями для самоподготовки и самоконтроля.

На рубеже XX–XXI вв. украинские историки начали обращаться и к проблемам исторической памяти о событиях Второй мировой войны и ее роли в формировании новой украинской идентичности.²⁵

Активное изучение истории и предьстории Второй мировой войны на Украине в первое десятилетие XXI в. привело к необходимости подведения итогов, осмысления достигнутого, что нашло отражение в проведении конференций по военной тематике, публикации коллективных сборников, появлении значительного числа историографических публикаций (О. Марущенко, В. Стецкевич, А. Лисенко).²⁶

В большинстве работ второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. советско-германские отношения 1939–1941 гг. выступают объектом критики. Однако стоит подчеркнуть, что лишь некоторые исследователи в своих трудах анализируют весь спектр внешнеполитических шагов и военных акций Кремля: отношение к Карпатской Украине, войну с Финляндией, «освободительные походы» 1939–1940 гг.²⁷ Особый интерес представляет труд И. К. Патриляка и М. А. Боровика «Украина в годы Второй

мировой войны: попытка нового концептуального взгляда», опубликованный в 2010 г. Точка зрения этих авторов во многом близка оценкам современных российских историков (В. И. Дашичева, М. И. Мельтюхова, А. О. Чубарьяна и др.). Так, Патриляк и Боровик отмечают, что «в самом факте подписания договора о ненападении не было бы ничего неординарного или противоправного, если бы не секретный протокол к нему».²⁸ После подписания договора оба диктатора остались довольны: «Гитлер радовался, что добился участия Кремля в войне против Польши и дружественного нейтралитета СССР в случае войны Германии с Францией и Англией; Сталин хотел затяжной войны на Западе и дальнейшей советизации ослабленной Европы. Оба обманулись в своих планах. После подписания договора и до начала войны немцы больше не вспоминали про украинскую проблему: у Берлина был новый, очень выгодный союзник, с которым рассчитались западноукраинскими землями».²⁹ Особое внимание Патриляк и Боровик уделяют такому малоизученному вопросу, как участие украинских соединений в советско-финской войне.

Характеризуя особенности исторической политики Украины после распада СССР, немецкий исследователь С. Требст отмечал: «Украина — единственная республика СНГ, в которой культура воспоминания стала важнейшим полем битвы между двумя крупными политическими лагерями — посткоммунистами и национал-либералами³⁰». Анализ украинских исследований советско-германских отношений кануна и начального этапа Второй мировой войны позволяет сделать вывод о существовании в современной Украине двух историографических традиций: новой, национальной, сформировавшейся в последние десятилетия (В. С. Коваль, А. Ф. Трубайчук, В. М. Литвин), и традиции, в основе которой лежит советско-российская интерпретация событий 1939–1941 гг. (И. К. Патриляк, М. А. Боровик, В. И. Кучер, П. М. Чернега). Отсутствие единства в среде историков Украины является одним из симптомов цивилизационного и культурного раскола, который до настоящего времени не преодолело украинское общество.

²⁴ Кучер В. И., Чернега П. М. Україна у Другій світовій війні (1939–1945). К., 2004.

²⁵ См., например: Рябчук М. Культура пам'яті та політика забуття // Критика. 2006. № 99–100. С. 18–20; Коваль М. В. Друга світова війна та історична пам'ять // УІЖ. 2000. № 3. С. 3–21; № 4. С. 3–19; Он же. 1941-й рік. Проблеми історичної пам'яті // УІЖ. 2001. № 3. С. 69–91; Веденєєв Д. Історична пам'ять про Велику Вітчизняну війну в контексті формування політичної нації в Україні // Україна у Другій світовій війні: джерела та інтерпретації (до 65-річчя Великої Перемоги). Матеріали міжнар. наук. конф. К., 2011. С. 34–42; Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність: матеріали «круглого столу». К., 2008.

²⁶ Марущенко О. Указ. соч.; Стецкевич В. В. Вітчизняне історіописання війни 1939–1945 рр. (деякі проблеми методології) // Сторінки воєнної історії України. К., 2006. Вип. 10. Ч. 1. С. 73–84; Лисенко О. Є. Історіописання Другої світової війни як самостійна субдисципліна // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси. Кн. 1. К., 2011.

²⁷ Брицький П. П. Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995; Коваль М. В. Україна: 1939–1945: Маловідомі і непрочитані сторінки історії. К., 1995; Дробот І. І., Кучер В. І., Чернега П. М. Україна в Другій світовій війні: Навч. посіб. К., 1998; Кучер В. І., Чернега П. М. Україна у Другій світовій війні (1939–1945). Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. К., 2010.

²⁸ Патриляк І. К., Боровик М. А. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Там же.

³⁰ Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. № 4. С. 41–78.

Irina V. Griban

Candidate of Historical Science, Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: gribanirina@gmail.com

**“SPLIT OF MEMORY”: SOVIET-GERMAN RELATIONS 1939–1941
IN MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY**

After the collapse of the Soviet Union, one of the discussion threads for historians of Ukraine became the origin of the Second World War, in which the emphasis was on Soviet-German relations 1939–1941. On the one hand, to create the new national version of history it was necessary to destroy the old Soviet myths; on the other hand, the history of the war was and remains one of the most important elements of the historical memory of the Ukrainian people. Civilizational and cultural split of Ukrainian society was apparent in that interpretations of events 1939–1941 historians do not agree: the two historiographical traditions co-exist in modern Ukraine.

Key words: *Soviet-German relations, World War II, the national historiography, historical memory, cultural memory*

REFERENCES

- Boyko O. D. *Istoriya Ukraïni* [History of Ukraine]. Kiev: Akademiya Publ., 1999, 654 p. (in Ukrainian).
- Britskiy P. P. *Ukraïna u Drugiy svitoviy viyni (1939–1945 rr.)*. [Ukraine in World War II (1939–1945 gg.)]. Chernivtsi, 1995, 112 p. (in Ukrainian).
- Drobot I. I., Kucher V. I., Chernega P. M. *Ukraïna v Drugiy svitoviy viyni* [Ukraine in World War II]. Kiev: IZMN Publ., 1998, 124 p. (in Ukrainian).
- Dubina O. K. *Geopolitichni doli Ukraïni* [The geopolitical destiny of Ukraine]. Kiev: Akademiya nauk Ukraïni Publ., 1992, 51 p. (in Ukrainian).
- Getmanchuk M. P. «*Ukraïnske pitannya*» v *radyansko-polskikh vidnosinakh 1920–1939 rr.* [“Ukrainian question” in Soviet-Polish relations 1920–1939]. Lviv: NAN Ukraïni Publ., 1998, 428 p. (in Ukrainian).
- Kosik V. *Ukraïna i Nimechchina u Drugiy svitoviy viyni* [Ukraine Germany in World War II]. Paris; New York; Lviv: Naukove Tovaristvo T. Shevchenka Publ., 1993, 685 p. (in Ukrainian).
- Koval M. V. *Dzerkalo tizhnya* [Mirror of the Week], 2001, № 24, p. 17. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Dovkola radyansko-nimetskoï viyni* [Around the Soviet-German War]. Kiev: Institut istorii AN URSS Publ., 1991, 77 p. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Radyansko-nimetskiy pakt 1939 r.* [Nazi-Soviet pact in 1939]. Kiev: Institut istorii AN URSS Publ., 1989, 48 p. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Ukraïna v Drugiy svitoviy i Velikiy Vitchiznyaniy viynakh (1939–1945 rr.)* [Ukraine in the World and World War II (1939–1945 gg.)]. Kiev: Alternativa Publ., 1999, 336 p. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Ukraïna: 1939–1945: Malovidomi i neprochitani storinki istorii* [Ukraine: 1939–1945: little-known and unread pages of history]. Kiev: Vishcha shk. Publ., 1995, 194 p. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Ukraïnskiy istorichniy zhurnal* (Ukrainian Historical Journal), 1992, № 3, pp. 124–128; 1996, № 3, pp. 41–53; 2000, № 3, pp. 3–21; 2001, № 3, pp. 69–91. (in Ukrainian).
- Koval V. S. *Vitchizna* [Homeland], 1988, № 10, pp. 140–150. (in Ukrainian).
- Kovalyuk V. R. *Ukraïnskiy istorichniy zhurnal* (Ukrainian Historical Journal), 1991, № 9, pp. 30–41. (in Ukrainian).
- Kucher V. I., Chernega P. M. *Ukraïna u Drugiy svitoviy viyni (1939–1945)* [Ukraine in World War II (1939–1945)]. Kiev: Geneza Publ., 2004, 272 p. (in Ukrainian).
- Kulchitskiy S. *Kiïvska starovina* [Kyiv old], 1999, № 6, pp. 80–90. (in Ukrainian).
- Kulinich I. M. *Storinki voennoï istorii Ukraïni* [Supporters of military history of Ukraine], 2000, Issue 4, pp. 127–132. (in Ukrainian).
- Lisenko O. E. *Ukraïna – Rosiya: dialog istoriografii* [Ukraine – Russia: dialogue historiographies]. Kiev; Chernigov: Desnyanska truth Publ., 2007, pp. 143–156. (in Ukrainian).
- Lisenko O. E. *Ukraïna v Drugiy svitoviy viyni: poglyad z XXI stolittya. Istorichni narisi* [Ukraine in World War II: A view of the XXI century. Historical essays]. Kiev: Naukova dumka Publ., 2011, Book 1, pp. 16–25. (in Ukrainian).
- Lisenko O. E. *Ukraïnskiy istorichniy zhurnal* (Ukrainian Historical Journal), 2011, № 4, pp. 165–194. (in Ukrainian).
- Litvin V. M. *Ukraïna v Drugiy svitoviy viyni (1939–1945)* [Ukraine in World War II (1939–1945)]. Kiev: Li-Terra Publ., 2004, 464 p. (in Ukrainian).

- Marushchenko O. *Ukraina v Drugiy svitoviy viyni: poglyad z XXI stolittya. Istorichni narisi* [Ukraine in World War II: A view of the XXI century. Historical essays], Kiev: Naukova dumka Publ., 2010, Vol. 1, pp. 83–142. (in Ukrainian).
- Marushchenko O. *Istoriya slov'yanskikh narodiv: aktualni problemi doslidzhennya* [The history of the Slavic peoples: issues of research]. Kiev, 2000, Issue 6, pp. 7–10. (in Ukrainian).
- Rukkas A. *Ukraina v Drugiy svitoviy viyni: poglyad z XXI stolittya. Istorichni narisi* [Ukraine in World War II: A view of the XXI century. Historical essays], Kiev: Naukova dumka Publ., 2010, Vol. 1, pp. 165–195. (in Ukrainian).
- Ryabchuk M. *Kritika* [Critique], 2006, № 99–100, pp. 18–20. (in Ukrainian).
- Stetskevich V. V. *Storinki voennoi istorii Ukraini* [Supporters of Military History of Ukraine], 2006, Issue 10, Part 1, pp. 73–84. (in Ukrainian).
- Stetskevich V. V. *Storinki voennoi istorii Ukraini* [Supporters of Military History of Ukraine], 2005, Issue 9, Part 1, pp. 172–194. (in Ukrainian).
- Trebst S. *Ab Imperio* (Ab Imperio), 2004, № 4, pp. 41–78. (in Russ.).
- Trubaychuk A. *1939 god. K istorii sovetsko-germanskogo sgovora* [1939. On the history of the Soviet-German collusion]. Kiev: Istina Publ., 1994, 120 p. (in Russ.).
- Trubaychuk A. *Brudershaft dvokh diktatoriv* [Brotherhood of the two dictators]. Kiev: Asotsiatsiya istorikiv «Istina» Publ., 1993, 336 p. (in Ukrainian).
- Trubaychuk A. *Druga svitova viyna* [Second World War]. Kiev: Asotsiatsiya istorikiv «Istina» Publ., 1995, 112 p. (in Ukrainian).
- Trubaychuk A. *Kiivska starovina* [Kyiv old], 1996, № 2/3, pp. 104–118. (in Ukrainian).
- Vegesh M. M., Vidnyanskiy S. V. *Kraïni Tsentralno-Skhidnoi Evropi ta ukraïnske pitannya (1918–1939)* [Central and Eastern Europe and the Ukrainian question (1918–1939)]. Kiev; Uzhhorod: NAN Ukraïni Publ., 1998, 257 p. (in Ukrainian).
- Vedeneev D. *Ukraina u Drugiy svitoviy viyni: dzherela ta interpretatsii (do 65-richchya Velikoï Peremogi)* [Ukraine in World War II: sources and interpretations (the 65th anniversary of the Great Victory)]. *Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii* [Proceedings of the International Conference]. Kiev: Muzei istorii Velikoï Vitchiznyanoi viyni Publ., 2011, pp. 34–42. (in Ukrainian).
- Istorichna pam'yat yak pole zmaganiya za identichnist* [Historical memory as a field of competition for identity]. Kiev: Nats. in-t strateg. Doslidzh Publ., 2008, 68 p. (in Ukrainian).